

«СВОЯ» КУЛЬТУРА – «ЧУЖАЯ» КУЛЬТУРА В РОМАНЕ Э.М. ФОРСТЕРА «КУДА БОЯТСЯ СТУПИТЬ АНГЕЛЫ»

Литературное наследие классика английской литературы XX века Эдварда Моргана Форстера включает романы «Куда боятся ступить ангелы» (“Where Angels Fear to Tread”, 1905), «Самое длинное путешествие» (“The Longest Journey”, 1907), «Комната с видом» (“A Room with a View”, 1908), «Хауардс-Энд» (“Howards End”, 1910), «Поездка в Индию» (“A Passage to India”, 1924), «Морис» (“Maurice”, 1971). Прозаик получил признание и как автор сборников рассказов «Небесный омнибус» (“The Celestial Omnibus”, 1911), «Вечное мгновение» (“The Eternal Moment”, 1928), «В жизни грядущей» (“The Life to Come”, 1972). Его перу также принадлежат сборники эссе, книги биографического характера, большое количество литературно-критических статей, в том числе работа «Аспекты романа» (“Aspects of the Novel”, 1927), в которой писатель выражает свою точку зрения на проблемы художественного творчества, и которая сыграла значительную роль в становлении теории романа в Англии.

Э. М. Форстер вслед за Г. Джеймсом, который в своем творчестве реализовал конфликт европейской и американских ментальностей, обращается к категории инонационального. Опыт, накопленный Э. М. Форстером во время путешествий по разным странам мира (Греция, Италия, Германия, Индия, Египет и др.), позволяет выделить в его творчестве оппозицию «английское» – «неанглийское». Например, Италия как воплощение инонационального предстает в «итальянских романах» Э. М. Форстера «Куда боятся ступить ангелы» и «Комната с видом», в рассказах «История о панике», «Сирена», «Вечное мгновение», а в романе «Поездка в Индию» и своей эссеистике автор обращается и к «индийской» теме.

Целью данной статьи является рассмотреть бинарную оппозицию «своя» культура – «чужая» культура в романе Э. М. Форстера «Куда боятся ступить ангелы». Сталкивая английскую и итальянскую ментальности, писатель детально исследует эти национальные характеры. Конфликт между англичанами и итальянцами представлен столкновением властной миссис Герритон с ее вдовствующей невесткой Лилией, с одной стороны, и обаятельным, но выпадающим из привычных правил (по английским стандартам) сыном итальянского дантиста Джино – с другой.

В Италии Лилия выходит замуж за Джино, и Филипа, сына миссис Герритон, посылают в маленький провинциальный городок Монтериано с целью выяснить положение дел непосредственно на месте. Когда Лилия умирает при рождении ребенка, семейство Герритонов почти в полном

составе приезжает в Италию, чтобы «спасти» его от Джино. Роман достигает трагического апогея, когда младенец погибает в результате несчастного случая при попытке его похищения дочерью миссис Герритон Генриеттой.

В романе Э. М. Форстер исследует способность героев воспринимать инонациональное не как враждебное, а как иное национальное, принципиально другое, существование которого необходимо для равноправного диалога. Выйдя замуж за Джино, Лилия пытается полностью погрузиться в инонациональное пространство. Но в то же время она предпринимает попытку перенести английское общество, его вкусы и манеры на итальянское. Такая проекция представляет собой обычную кальку, и в этом заключается ошибка героини.

Миссис Герритон никогда не уезжала из Англии и, как и сама Англия, занимает островное положение, находясь в полной изоляции от других. Для миссис Герритон островком стабильности, благополучия является столь ненавистный Э. М. Форстеру пригород Состон, рассадник снобизма, лицемерия, «родина» «неразвитых сердец». Миссис Герритон никогда не выглядывает за пределы Состона, и поэтому все инонациональное воспринимается ею как враждебное.

Пожалуй, одним из наиболее сложных образов в романе является образ Филипа Герритона. Как отмечал Э. М. Форстер в письме критику Р. Г. Тревельяну, «целью произведения является изображение эволюции характера Филипа» [2, р. 161]. В то время как Генриетта, сообщает читателю повествователь, остается под постоянным и пристальным контролем матери (более того, Генриетта всегда находится в силовом поле своей национальной культуры, так как инонациональное пространство является для нее не просто чужим, а радикально чуждым), то Филип под влиянием инонационального постепенно освобождается от влияния миссис Герритон и движется к своему истинному Я.

В начале романа мы узнаем, что, когда Филип в возрасте двадцати двух лет впервые посетил Италию, он остался замороженным этой страной. Герой познакомился и полубил простых итальянцев. «Италия, – убежден Филип, – очищает и облагораживает всякого, кто там побывает. Италия для всего мира и школа, и одновременно площадка для игр» [1, с. 23]. По прибытии на родину все казалось ему серым, посредственным, ничтожным. Он вернулся в Англию с целью либо преобразовать Состон наподобие Италии, либо полностью его отвергнуть. Однако из этой затеи ничего не вышло: «неразвитые сердца» Состона оказались неподвластны чарам Италии. Кроме того, «он шокировал с полдюжины состонцев, вступал в перебранки с сестрой и спорил с матерью» [1, с. 71]. С тех пор он стал испытывать чувство морального неудовлетворения, с одной стороны, и интеллектуального превосходства по отношению к состонцам, с другой. Попытка Филипа изменить Состон и его обитателей напоминает неудачу

Лилии, пытавшейся перенести английскую модель образа жизни на итальянскую. Несмотря на это, Филип сохранил веру в преобразующую силу Италии. По этой причине он и советует Лилии отправиться на итальянскую землю.

Наслаждаясь Италией лишь эстетически, герой не в силах порвать с Состоном и его ценностями. Ему нравится восхищаться Италией, ее ценностями и архитектурой, любить итальянцев в Англии, однако «три года он восхвалял итальянцев, но вовсе не рассчитывал получить итальянца в родственники» [1, с. 32]. Более того, он приходит в ужас от того, что Джино – сын итальянского дантиста. Вот как писатель описывает реакцию героя: «Филип издал возглас отвращения и боли <...>. Дантист! Дантист в Монтериано! Зубной врач в волшебной стране! Вставные зубы, веселящий глаз и кресло с откидной спинкой <...>. Филип и думать забыл о Лилии. Он беспокоился за себя» [1, с. 38].

До этого Филип романтизировал и идеализировал Италию; она для него представляла нечто экзотическое. Сформированное представление об Италии исключает существование дантиста в «волшебной стране», которую Филип создал в своем воображении: «он боялся, что романтика для него умерла» [1, с. 38]. Увидев другую Италию, в которой Филип находился не в качестве туриста, герой чувствует себя обманутым: «Италия, страна красоты, погибла для него навсегда. Она не в силах была сделать лучше людей, которые там жили, или их взгляды. Более того, на ее почве произрастали жадность, жестокость, глупость и, что еще хуже, вульгарность. На ее почве, под ее влиянием, глупая женщина вышла замуж за плебея» [1, с. 72]. Филип возненавидел Джино за то, что тот разрушил его идеал и веру в сказочную страну.

Как указывал сам автор, в пятой главе романа Филип «запутывается, пытаюсь жить посредством <...> чувства прекрасного. Понимание того, что он сбился с пути, озлобляет его, и это является началом его эволюции» [2, р. 161]. Существовавшее до этого видение Филипа оказалось иллюзорным, оно ближе к фантазии, чем к реальности. Однако даже такая Италия, существовавшая в его воображении, оказывается ближе и роднее: она представляется Филипу источником страсти, которую не может предложить Состон и/или его окружение. Так как Филип прибывает в Италию слишком поздно (Лилия уже стала женой Джино), то для него нет смысла оставаться в стране, которая разрушила его мечты и обманула надежды. Он покидает Монтериано – место скандала, разврата – и возвращается в Состон, который представляется уголком комфорта и благопристойности.

Третья поездка Филипа в Италию в сопровождении Генриетты раскрывает его сердце. Переосмысливая национальное на фоне инационального, Филип приходит к выводу, что он действительно ненавидит не Монтериано и Италию, а Состон. С самого начала поездки

ему безразлична их миссия; он осознает себя «марионеткой в чужих руках». Герой смотрит на вещи другими глазами, стараясь уловить то, что пропустил и не увидел в предыдущий раз. Он осматривается вокруг себя и обнаруживает, что «романтика вернулась в Италию, в стране не было больше плебеев, она сделалась прекрасной, любезной, обаятельной, как прежде» [1, с. 106]. Филип понимает, что прелесть Италии заключается непосредственно в ее людях. На все происходящее вокруг он реагирует спонтанно и непосредственно; он уже не разглядывает все глазами матери и не применяет состоновские стандарты.

Несмотря на то, что поездка Филипа в Италию трансформирует его внутренний мир – он избавляется от цинизма, косности, узости мышления – в жизни он остается лишь зрителем, подобно зрителю в оперном театре Монтериано. Филип сам в этом признается: «Мне, видимо, суждено пройти сквозь жизнь, не вступив с ней в конфликт и не оставив в мире следа. <...> Я не умираю, я не влюбляюсь. <...> Жизнь для меня спектакль» [1, с. 137]. Посещение театра, разговор с Каролиной после оперы он считает самыми крупными событиями в его жизни. С ним уже ничего не случится: более крупных событий в его жизни больше не будет.

Под влиянием инационального, а именно солнечной и воодушевляющей Италии, спектакль, который наблюдает Филип, кажется ему жизнеутверждающим. Италия представляется ему временным убежищем от порочного круга семейства Герритонов, от которого он до конца не в силах отречься в силу занимаемой пассивной жизненной позиции наблюдателя. Более того, только лишь эстетическое восприятие инационального является важным, но недостаточным условием для диалога с ним. Тем не менее, развитие Филипа происходит путем приобщения к истинным жизненным ценностям, олицетворением которой оказывается Италия (несмотря на то, что его погружение в инациональное пространство носит временный и эпизодический характер) и постепенной неприязни к лицемерию состоновского окружения: по возвращении в Англию Филип планирует переехать в Лондон.

Филип пересматривает жизненные ценности и под воздействием Каролины Эббот, которая движется к законченности и цельности бытия. Эволюция Каролины наиболее полно изображена Э. М. Форстером: от молодой девушки, находящейся рядом с Лилией в Италии в качестве простой компаньонки, до зрелой личности, помогающей Филипу постигнуть сложность жизни.

Таким образом, в романе «Куда боятся ступить ангелы» Э. М. Форстер раскрыл трагический конфликт национально-культурных ментальностей. Сталкивая героев, принадлежащих к разным национальностям, он создает ситуации, в которых им необходимо распознать общечеловеческое, находящееся под покровом другой

национальной культуры. Символична в этом отношении сцена примирения Джино и Филипа после смерти младенца, на котором, «умершем на грязной дороге, сосредоточились сильные страсти и большие надежды» [1, с. 148]. Герои, выпивая из одного кувшина молоко, предназначенное для ребенка, освобождаются от национальных условностей и стереотипов.

По Э. М. Форстеру, главной причиной отказа от признания/понимания «чужого» и инационального является «неразвитость» английского сердца, которое усложняет диалог англичан с иными культурами. «Неразвитое» английское сердце образует оппозицию непосредственно внутри английского национального характера: с одной стороны, миссис Герритон и ее дочь Генриетта как олицетворение идеалов и ценностей Состона, а с другой – Филип, Лилия, Каролина Эббот, тяготеющие к итальянскому взгляду на мир и пытающиеся освободиться из-под власти Состона и его стереотипов.

Итак, разрешение конфликта «своей» культуры с «чужой» связано не с утверждением какой-либо отдельной национально-культурной ментальности, а с преодолением различий в пользу всеобщего и всечеловеческого. Составляющие каждой из бинарной оппозиции «своя» культура – «чужая» культура могут быть определены и (пере)осмыслены лишь на фоне друг друга. Только в диалоге с инациональным возможно более глубокое осознание своего национального.

Литература

1. Форстер, Э. М. Куда боятся ступить ангелы / Э. М. Форстер // Избранное. – Л.: Худож. лит., 1977. – С. 17–162.
2. An Exchange between Forster and R. G. Trevelyan // Where Angels Fear to Tread / E. M. Forster. – L.: Penguin Books, 2001. – P. 161–164.